

Есть имена-символы, имена, в которые вмещаются наши представления о прекрасном. Сегодня — день рождения Галины Сергеевны УЛАНОВОЙ, которую знает и любит весь мир, которая является высочайшим примером служения искусству. Дважды Герою Социалистического Труда, лауреату Ленинской и Государственных премий СССР Галине Улановой — семьдесят пять. С днем рождения, Галина Сергеевна!

— Галина Сергеевна, какой дорогой шли вы от юности к зрелости? Что посоветовали бы вы молодым?

— Я выстраивала свою жизнь постепенно... Не торопиться, как в спорте, чтобы быстрее других прийти к цели, а идти к ней терпеливо и честно. Любая жизнь не обходится без самоограничений, без умения от чего-то отказываться. Мне кажется, все удается, если человек строит свою жизнь сам. Это трудно, но надежно.

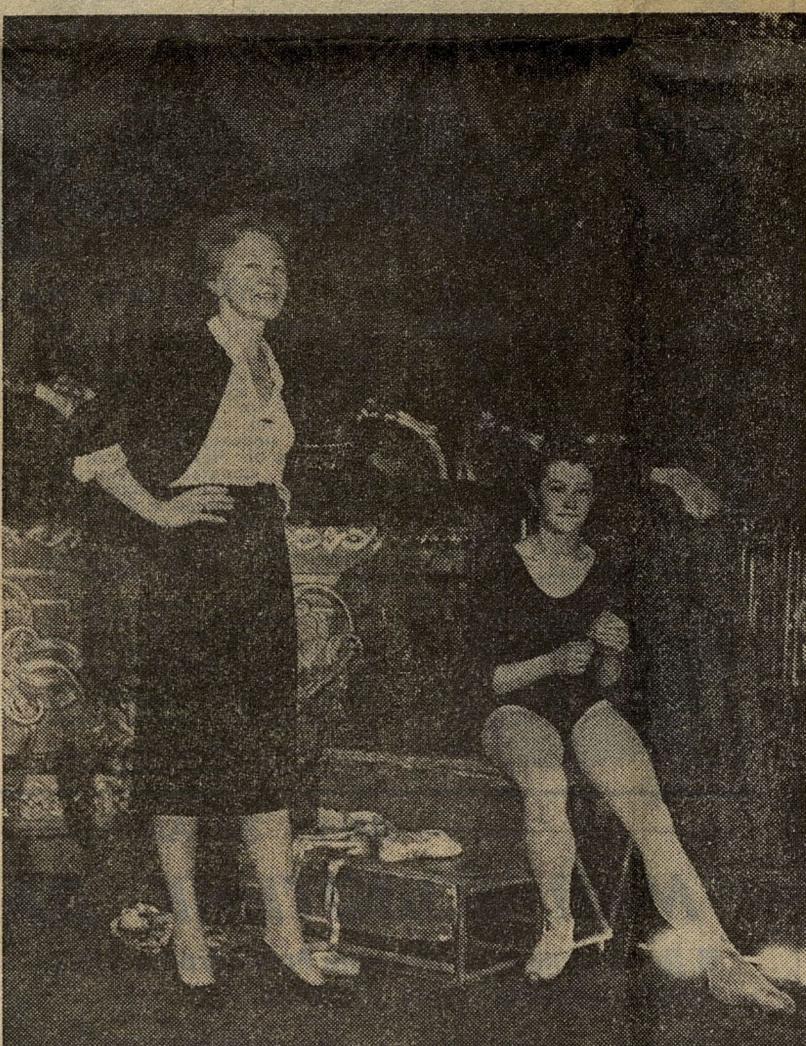
«Она — гений русского балета, его непреклонная душа, его вдохновенная поэзия... во всех созиданиях Улановой вы почувствуете ее острый, пылкий, проникновенный ум...»

Сергей Прокофьев.

«Метод Улановой удивил меня своей парадоксальностью. В нем не было ничего нарочито наставнического. Отсутствие какой бы то ни было снисходительности и в то же время задушевная теплота, с какой относились знаменитая балерина к совсем еще юной танцовщице, никак не соответствовали моим представлениям о взаимоотношениях между учителем и учеником.»

Альберт Кан.

кает архаичное, устаревшее. Но главное остается. И если говорить о назначении истинного искусства, оно вне времени. Вне моды. Даже при трансформации хороших современных поэтов мы читаем и читаем Пушкина.

Мне, конечно, трудновато судить о так называемых ультрамодных течениях в искусстве. Головной абстракции я не понимаю. В абстрактной живописи мне, правда, часто нравится сочетание цветов, а вот содержания, мысли, чувства не хватает. И о чисто формальном балете могу сказать то же. Может быть, я устарела?

— А дано ли нам, современникам, понять, что остается, а что уходит время?

— Наверное, нет... Я помню, как трудно понимали Шостаковича, как мы в свое время не понимали музыку Прокофьева. Им еще повезло, к ним признание пришло при жизни. Но ведь мы знаем и другие примеры. Кого же за это видеть? Иногда современникам трудно судить, потому что великие обгоняют время. Поэтому им трудно, их не понимают. Если человек обгонял время, как понять его тем, кто живет близоруко, как говорится, одним днем?

— Мне запомнилось удивительное письмо Пастернака к вам. Можно я прочту? «Дорогая Галина Сергеевна! Я со всеми морем мокрым лицом смотрел Вас вчера в «Золушке», — так действует на меня присутствие всего истинно большого рядом в пространстве. Я особенно рад, что видел Вас в роли, которая наряду со многими другими образами мирового мышления выражает чудесную и победительную силу детской, покорной обстоятельствам и верной себе чистоты. Поклонение этой силе тысячелетия было религией и опять ею станет, и мне вчера казалось (или так заставили Вы меня подумать совершенством исполнения), что эта роль очень полно и прямо выражает Ваш собственный мир, что-то в Вас существенное, как убежденность...»

— Уж не знаю, почему Борис Леонидович назвал ее именем Золушку. А что касается «существенного» — быть может, это была Джильетта, Жизель или Тао-Хоа? Но угадал он то, что любую роль я пропускала через свою жизнь, существенное, как убежденность...»

— Уж не знаю, почему Борис Леонидович

старалась себя контролировать, всегда смотрела на себя как бы со стороны. Глаз у меня такой, что я вижу свои недостатки больше, чем достоинства. Я не была обойдена похвалами, но я старалась их до поры не слушать, они мне мешали в работе.

— Всегда?

— Пожалуй, да. Быть может, это не применительно к сегодняшнему дню. Я во многом молодых понимаю. Но мы росли в другое время. Тогда и критика была иной. Рецензии появлялись после каждого спектакля, Правда, спектакль было меньше. Критика была благожелательной, но писали не только об успехах — и о недостатках тоже. И потом она была разной. Одному нравится, другому — нет. А сейчас критика чаще всего однинаково хвалит, и публика однинаково аплодирует.

Наверное, это не совсем правильно, но цветы в те годы на сцену не разрешали выносить. Быть может, потому, что и цветов тогда таких не было. Стояли скромные букетики в гримуборной...

— Разве в те далекие годы не аплодировали?

— Иногда бывало, что и занавес опустится, а в зале — тишина. Представляете, весь зал молчит. А потом, после каких-то мгновений тишины, лавина аплодисментов. Наверное, это самая серьезная и глубокая реакция зала. Когда, скажем, слушаешь музыку... После того, как она отзовется, нужно какое-то, пусть небольшое время, чтобы переключиться. Даже из аплодисментов.

Конечно, артисту нужны любовь, признание. Но и дистанция нужна. То самое чувство меры. Я не формальный человек, но думаю, что это важно в жизни — дистанция. Без нее — неуважение и невоспитанность.

— Галина Сергеевна, я знаю, как вы отстаете от себя неуживчие встречи, разговоры. Это позиция или характер?

— Если на одной стороне весов лежало дело, работа, театр — это всегда перевешивало развлечения. В юности я, наверное, была неинтересной в обществе. Больше молчала, больше наблюдала, впитывала, как губка... Я была очень стеснительной. Да я и сейчас не люблю выступать на людях.

Время у меня и сейчас не хватает. Я стала болыше уставать, так что приходится иногда отказываться и от встреч, и от разговоров. Мне обязательно бывают порой нужны тишина, со-средоточенность, уединение.

— Мы часто говорим и пишем о том, что нас волнует в сегодняшней молодежи...

— Наверное, наши старшие беспокоились о том же.

— И все-таки, как вы думаете, Галина Сергеевна, есть ли у нас основания для тревог?

— Сегодняшние молодые, как правило, умеют постоять за себя, поспорить. Они увереннее в себе, и это очень помогает. Но вот что меня всегда тревожит — бесцеремонность. Мне иногда кажется, что все друг с другом на «ты». Мы были на определенном расстоянии даже от молодых балетмейстеров. Не было панибратства, была та самая дистанция, о которой я уже говорила...

Они, молодые, разные. Мне с моними учениками интересно, я у них сама чему-то учусь.

Люди моего возраста часто говорят: «Вот мы в наше время жили по-другому». Когда я в Ленинграде уже исполнила сольные партии, нам выдавали такие «трамвайные» карточки. На право входа в трамвай с передней площадки. Чтобы ноги не оттоили. Карточки выдавали только солистам, и я ехала в театр, стоя на пломадке рядом с вагоновожатым. А сейчас молодого солиста уже в двадцать лет привозят машина на спектакль.

Наверное, это хорошо. В нашей профессии есть своя специфика: ноги надо беречь. Пусть это все будет: и машины, и заграницные гастро-ли, и многое другое. Вот как это все в жизни выстроить? Или вернее: что главное? Мы все не аскеты. Человек живет, его радуют красивые вещи. И хорошо, когда они окружают даже очень молодого человека, если главное — творчество, работа.

— В прекрасном телевизионном фильме «Мир Улановой» один из ваших учеников, Владимир Васильев, говорит о вас: «Если кто-то из нас пойдет на компромисс в искусстве или в жизни, он потеряет ее навсегда». Можно ли прожить без компромиссов?

— Надо бы. Надо бы... Хотя как понимать это слово — компромисс? В жизни приходится уступать и иногда поступаться чем-то. Но это «что-то» у меня, например, никогда не касалось убеждений, принципов.

— Галина Сергеевна, вы говорили не раз, что самое лучшее место на земле для вас — Селигер. Вы так много ездили. Только в прошлом году вы, если не ошибаюсь, были в Швеции, Италии, Голландии. Вам не встречалось места красивее?

— Красивее? Не знаю. Но Селигер — это для души.

— Вам знакомо чувство зависти?

— Пожалуй, нет. Не очень. Только вот в юности, когда я играла на рояле, мне безумно хотелось импровизировать. Но у меня не получалось. Я могла играть только по нотам и завидовала тем, кто умел импровизировать. Сидят за роялем, и вдруг ты слышишь красивую музыку.

— Что вы пение в людях?

— Трудно сказать... Разное. Мне очень нравятся люди с порывами, смелые. Пусть порой ошибающиеся, но искренние, без фальши, без позы. Нравится, когда в человеке есть индивидуальность, «незаштампованный» человек.

— А что не приемлете?

— Лакейство.

— А что такое лакейство?

— Когда говорят то, что не думают.

— Галина Сергеевна, на что бы вы употребили совсем свободную неделю?

— Летом, наверное, поехала бы на Селигер. Там цветы такие — молочай. Длинные, длинные. По самому берегу растут.

— А зимой?

— А зимой — в Ленинград.

ТРИ ВЕЧЕРА С ГАЛИНОЙ УЛАНОВОЙ

ПОСЛЕДНИЕ короткие дни уходящего года. Ранние синеватые сумерки стутились над набережной, около которой мороз кажется еще злее. Я бегу от автобуса и вижу впереди легкую фигуру, чье изящество не скрывает мокнатая меховая шубка.

— Галина Сергеевна, вы пешком?

— Я часто с работы хожу пешком.

— Но такой холода...

— Ну и что, в холод просто быстрее идешь.

Говорят, время безжалостно. Говорят, время неумолимо. Когда оказывается рядом с Галиной Сергеевной Улановой — именно когда оказывается рядом, — начинаешь думать, что мы заглянули в тот самый двадцатый век, в котором возраст, наверное, изменяет свои пределы. Многим виделись боттичеллианские черты в лице Улановой. Время это сходит со штатрает.

— Галина Сергеевна, Большой театр отмечает ваш юбилей...

— Что поделашь...

— Вам это не нравится?

— Нет, мне нравится, что самая молодая моя ученица Нина Семизорова будет танцевать «Лебединое» в Большом. К сожалению, это бывает редко.

— Вам кажется, что Нина волнуется по-другому, чем вы когда-то?

— Думаю, что да. А вообще-то волнения бывают разными.

Как-то Уланова сказала о природе: «Нужно научиться ее слышать». Нужно научиться слушать Уланову. Мы так привыкли к бойко говорящим людям, к легко выступающим, готовым, не задумываясь, ответить на любой вопрос, что другой стиль речи (и жизни тоже) часто оказывается труднее для понимания. Хотя, казалось бы, что может быть яснее этой простой, сдержанной манеры говорить. Вернее, не говорить — вспоминать вслух.

— За мое время чего только не появилось: самолет, радио, космические ракеты. Что, улыбаешься, долго живу? Может быть, в чем-то правы те, кто считает: современность, современный ритм жизни требует своих форм выражения. И в искусстве — тоже. А все-таки классической поэзией и старинной музыкой сейчас, по моему, больше увлекаются.

Мне самолет очень нравится. Люблю летать. Но вместе с тем такая быстрота движения чем-то раздражает. Много лет вспоминаю, как я с папой на пролете ехала от Феодосии до Коктебеля. Часа три-четыре. До сих пор помню: степь, полынь, люди...

Наша жизнь идет на таких скоростях, что хочется порой ее чем-то уравновесить. Остановиться хоть на минуту, задуматься, чуть-чуть отдохнуть. Мне кажется, человеку не хватает порой времени углубиться в себя. В природе есть свое равновесие. И в жизни мы ищем его. Как, наверное, и в «медленном» прошлом искусства. Только, боже ради, не подумайте, что я человек несовременный. Это было бы ошибкой.

— А может быть, сила истинного искусства в том, что оно свободно от влияния времени?

— Бряд ли. Думаю, что сегодняшний классический балет не может быть повторением музейной фотографии Тальони. Конечно, время отсе-

вает чувства, иначе зритель не поверил бы...

— Галина Сергеевна, а насколько личность актера проявляется в роли?

— В первую очередь проявляется, наверное, то, что любишь или ненавидишь в образе, характере. Если актер сам свою роль не выстрадал — ничего не получится.

Когда я занималась с учениками, я показывала какой-то кусок и говорю: Подожди, не повторяй, потому что это можно сделать так, а можно и по-другому. Есть и третий вариант. А теперь покажи мне, что ты хочешь, что тебе ближе. А может быть, ты предложишь что-то иное — свое. Подумай. А когда я показываю четвертый или пятый вариант, они иногда теряются: «Ой, больше не надо!»

У меня, конечно, есть опыт, но я делаю вид, что и сама не знаю — как. Мне важно разбудить их индивидуальность, найти для каждого свое. Хотя заданное, «рамка» — одинакова для всех. Как в драматическом театре. Слова одни для всех, а мысли и интонация у каждого исполнителя разные. От кого-то слышала: интонация — это та же аргументация. Очень точно сказано.

— А что для вас — помните в письме — «использовать больше рядом в пространстве»?

— Наверное, музыка. Да, музыка.

— Галина Сергеевна, есть ли у вас, был ли у вас свой эталон в искусстве, в жизни?

— Какой эталон? Рядом были живые люди, прекрасные люди, у которых я училась всему: общению, любви, дисциплине, служению театру. Еще в Ленинграде, в Кировском театре, помню очень пожилых людей — рабочих сцены. Какой у них был такой глаз! Они были строги и спартанки и очень любили театр. Он для них был святым.

— Вас называют «самой простой и самой загадочной» балериной ХХ века...

— Что касается загадочности, то она, наверное, есть в любом человеке. Знаете, очень часто человек живет, живет и так и умирает, не высказавшись. Причин здесь очень много... Мне кажется, главное и в жизни, и в искусстве — чувство меры. Не люблю ничего чрезмерного.

— Галина Сергеевна, может быть, приведете какой-то пример, объясните.

— Трудно. Это не дважды два. Это так же трудно, как сказать, что такое талант.

— Галина Сергеевна, какой дорогой шли вы от юности к зрелости? Что посоветовали бы вы молодым?

— Я выстраивала свою жизнь постепенно... Не торопиться, как в спорте, чтобы быстрее других прийти к цели, а идти к ней терпеливо и честно. Любая жизнь не обходится без самоограничений, без умения от чего-то отказываться. Мне кажется, все удается, если человек строит свою жизнь сам. Не по звонкам, не по знакомству, а чисто.

Хорошо, когда нет несчастий. Но плохо, когда искусство облегчает жизнь. Иногда приходится пройти и через что-то горькое, трудное. Иначе, если нет этих переживаний, то о чём же думать? Что играть? Кстати, мне легко терпеть не давалось.